

Интернет важнее, чем «Битлз». Хотя их трудно сравнивать

Борис Гребенщиков, человек более других сделавший для создания тезиса о самобытности русского рока, в последнее время немало усилий прилагает к тому, чтобы этот самый русский рок хоть как-то интегрировать в систему международных музыкальных связей. Поработав со многими известными западными продюсерами и музыкантами, в нынешнем году он превзошел себя: альбом «Лилим» (SoLyd Records), который вот-вот выйдет в свет, записан им в Вудстоке при содействии легендарной группы The Band, некогда аккомпанировавшей Бобу Дилану. Вкратце мы рассказали об этом в номере «КП» от 14 октября. А сегодня сам Борис Борисович повествует о том, как состоялся этот удивительный проект. Беседа происходила в минувшую субботу в знаменитом питерском жилище Б. Г. на Пушкинской улице. Подъезд в состоянии полуразрухи, большая квартира, где постоянно находится около десятка человек. Борис сидит в изрядно затемненной комнате, где по стенам развешаны картины, выдающие склонность хозяина квартиры к буддизму. «Есть чайники, кипятки, заварка, кофе, сахар», - предлагает Гребенщиков и всем своим видом дает понять, что готов отвечать на вопросы.

Типичная картинка современного Вудстока: Борис Гребенщиков поет свои новые песни Дмитрию Стрижову.

- Как возникла идея поработать с The Band, кроме того что вы знали о существовании такой группы?

- История проста и совершенно нелепа. Я приезжаю в Нью-Йорк весной этого года, встречаю художника Дмитрия Стрижова. Он слышит мои новые песни и говорит: они совсем другие. Сам-то я знаю, что они другие, но мне этого еще никто не говорил. Он - первый. У нас установились приятельские отношения. Это первая фаза. Вторая фаза - я приезжаю в Нью-Йорк еще раз по совершенно другим делам. Говорю Стрижову: «Помимо тех трех песен, которые ты слышал, я написал еще одиннадцать и спой их тебе немедленно». Он человек экспансивный, падает на пол в припадке: «Я не отпускаю тебя из Америки, пока ты не запишешь эти песни здесь».

Через неделю Дима сводит меня с человеком по имени Бен И. Кэй, который обещает все устроить. Выясняется, что он отличный блюзовый пианист.

- А по виду не скажешь?

- По виду не скажешь. Он звонит мне через день: «Я дозвонился в Вудсток, там студии подешевле. Меня заодно спросили, не нужны ли нам музыканты? Например, поблизости живут люди из The Band». И, зная, что я люблю Дилана, Бен делает многозначительную паузу...

- Ваша первая реакция?

- Я думал так: записаться с «Бэндом» очень интересно. Но нереально. В общем, я тот разговор всерьез не воспринял. По своим каналам дого-

ворился с другими музыкантами записать пару песен в Нью-Йорке. Звоню Бену и говорю, что его договоренности надо отменить. Он мне в ответ: жаль, на воскресенье уже и студия заказана, и музыканты из «Бэнда» звонили... Я говорю: передайте им мои извинения, я к этому не готов морально. А сам думаю: у меня три дня до отъезда, в предпоследний день тащить куда-то в Вудсток... Назавтра опять звонит Бен: «Борис, они еще раз перезвонили и очень опечалились, когда узнали, что вы не приезжаете. Может, все-таки приедете?» И тогда я решил, что от таких вещей не отказываются.

В Вудсток мы поехали, загрузив машину аппаратурой. Машина маленькая, открытая, шел дождь. Приехали к зданию старой церкви, где находится студия. Стали собираться музыканты. На гитаре у них сейчас Джим Уидер, он с группой играет лет 15 после того, как ушел Робби Робертсон. На замену барабанщику Левону Хелму пришел Рэнди Шарланте.

- The Band сегодня - активно работающий коллектив?

- Вместе они не играют. Люди, близко с ними связанные, говорили: это вообще чудо, что они собрались в студии.

- Как прошла работа с музыкантами, с которыми вы прежде никогда не встречались?

- Проще, чем когда-либо в моей жизни. В первый же день мы сели и работали 12 часов. Закончили в пять утра. Все игралось с первого раза. Они слышали кассету, с этим материалом им было все пре-

дельно ясно. Только в песне «Капитан белый снег» Хадсон восемь часов записывал пять слоев клавиш. Ни одна партия гитары не перезаписывалась.

- Чем бы вы сами объяснили такую небывалую легкость: суперпрофессионализм музыкантов, их интуицией, неким мистическим совпадением или доступностью вашей музыки?

- Так совпало. Я, совершенно об этом не думая, написал именно те песни, которые они всю жизнь играли. Назовем это божественным совпадением. В итоге вся работа заняла три с половиной дня. И то первые полдня настраивали инструменты.

- Вас такая оперативность удивила?

- Нет. И их тоже: они и с Диланом такими же темпами работали. Только я более организованный, чем Дилан.

- Они вас Бобом не называли?

- Нет, только Борисом.

- А вечером, после завершения работы...

- Гарт оставался в студии - у него свой образ жизни, он на этой планете пришелец. А ребята заходили ко мне, мы пили легкое вино.

- Общая тональность разговоров?

- Поиски Бога, Тибет и современная музыка.

- Сколько раз в разговорах всплывал Боб Дилан?

- Ноль.

- И о том, почему они решили с вами сыграть, тоже не говорили?

- Нет. Обычный базар. Заехали люди поболтать. Правда,

жены их, кажется, слегка были недовольны.

- Но открытых претензий не было? Типа: «Борис, где мой муж Гарт? Он опять не явился домой к ужину! Небось, пьете?»

- До такого не доходило.

- На все произошедшее можно взглянуть с двух полярных точек зрения: 1) Борис Гребенщиков добился того, что сыграл с легендарной группой «Бэнд». 2) Некогда легендарная группа «Бэнд» ныне стала настолько доступна, что с ней смог записаться даже русский Борис Гребенщиков.

- Обе версии неверны совершенно. Во-первых, группа «Бэнд» недоступна. Если кто-то хочет попробовать - я с удовольствием посмотрю за его попытками. Хотя я считаю, что было бы хорошо, если бы с ними записывались все. Эта работа дает возможность понять изнутри, что такое американский рок-н-ролл. Но и своим достижением я эту работу не считаю. Это произошло помимо меня.

- Как вы думаете: тот факт, что альбом записан с такими музыкантами, вызовет в России дополнительный интерес?

- По-моему, в России мало кто знает о группе «Бэнд». Но для меня это не важно. Важно было, чтобы песни получили законченное воплощение. Они его получили.

- Теперь пару вопросов по текстам песен. Заодно уж и продемонстрирую, что готовился к разговору, слушал кассету. Что там у нас про Ван Гога? Ван Гог мертв...

- ...А мы еще нет.

- Прикажете это расценивать как элемент самоиронии?

- Можно расценивать. А можно и нет. Но без самоиронии - никуда. Если у человека нет чувства юмора, ему вообще не место в музыке. И поводы для самоиронии я нахожу не столько в своем старом материале, сколько в отношении людей к тому, что мы делаем. Я цитирую не себя, а людей, которые все это слушают.

- Думаю, они будут страшно рады, когда это прочитают. Далее. В одной из песен звучит такая фраза: «Вместо «Роллингов» - хакеры, вместо «Битлов» - юзеры». Есть что-то такое в идее всеобщей компьютеризации, что вы не приемлете? Похоже на попытку противопоставить светлое прошлое натиску бездушных машин.

- Я считаю, что Интернет важнее, чем «Битлз».

- Борис Борисович, я вас процитирую.

- Цитируйте. Поясню. Сравнить «Битлз» и Интернет довольно сложно. «Битлз» - это искусство, это религия. Интернет - ни то, ни другое. Интернет - это метод. Но методы битломании - хуже, чем методы Интернета. Битломания была явлением истерическим и очень многих людей сбивала с толку. А благодаря Интернету информация - в том числе и музыкальная - впервые становится действительно общедоступной. И это идеальное положение.